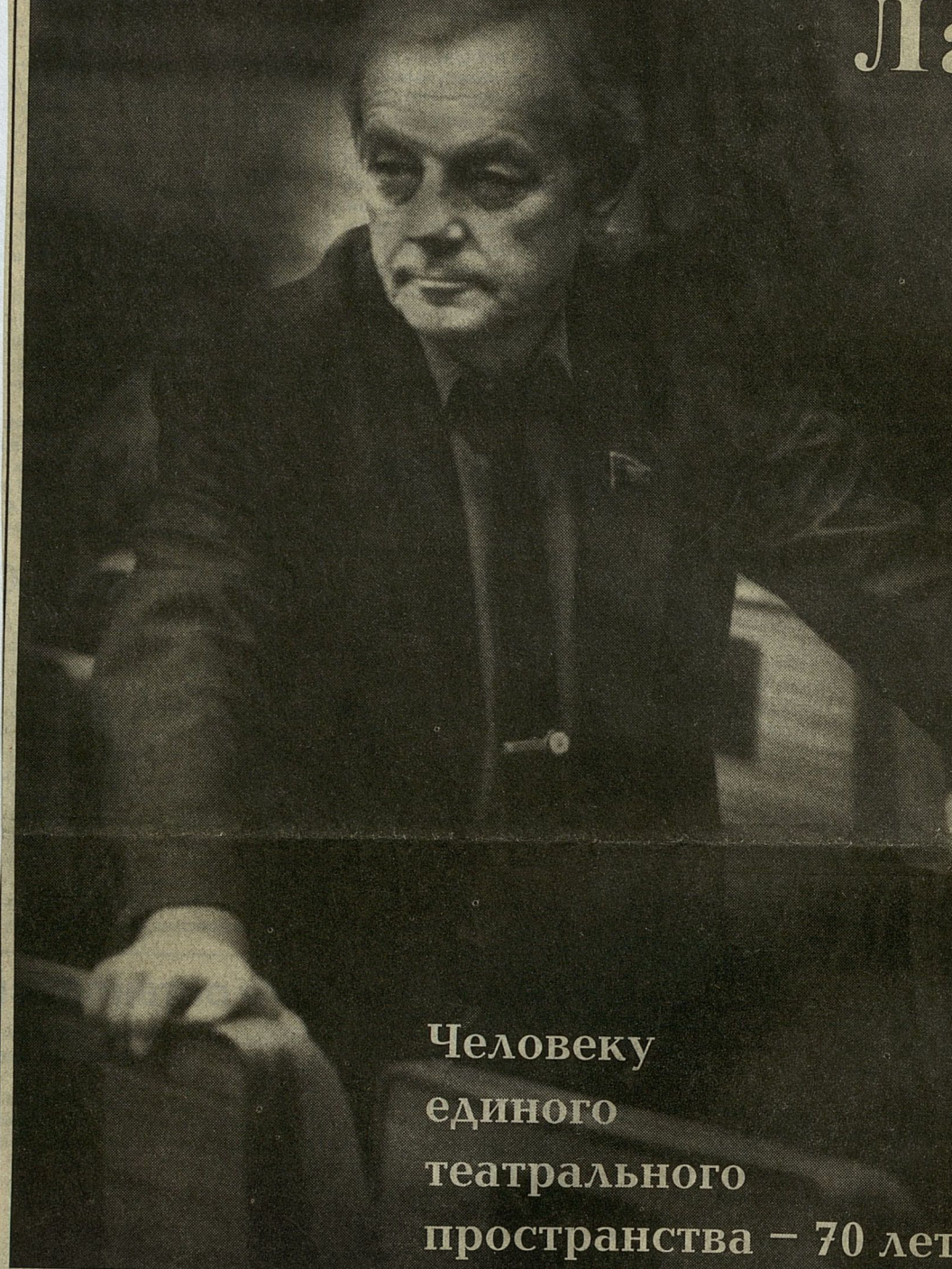


Три судьбы Кирилла Лаврова



Человеку
единого
театрального
пространства — 70 лет

Александр СВОБОДИН

Зачем эта круглая дата посетила одного из популярнейших актеров России, президента Международной конфедерации театральных союзов, художественного руководителя Санкт-Петербургского Большого драматического театра имени Г. Товстоногова.

Есть сегодня актеры и режиссеры, перед фамилией которых можно поставить значительно больше разнообразных титулов, званий, должностей, но вряд ли кто-нибудь соединил свои службы — а это действительно службы в прямом и переносном смысле — столь органично, столь естественно и даже... не по своему выбору.

работанной психологической партитурой.

Полковник служил на Кавказе, а в это время сын артиста, старший сержант Кирилл Юрьевич, служил авиационным техником на Сахалине, на Курилах...

Кирилла — 1995. — Юсупов. (Окончание на 8-й стр.)

Свой выбор у него был один — в актеры! Да и то это выбор, если можно так сказать, генетический, наследственный.

Его отец Юрий Сергеевич Лавров, в 20-х годах служивший у Мейерхольда, потом до начала тридцатых в Александринке, в знаменитой Александринке — Театре имени Пушкина, где служили грандиозные актеры Юрьев, Певцов, Тимме, где и набирал он, после новаторского мейерхольдского, опыт блистательно старомодной, фундаментально основательной русской академической школы, не утерявшей еще традиций «императорской сцены». А потом до самой Отечественной Юрий Сергеевич — актер Киевского театра имени Леси Украинки, где был партнером Ромашова, Хохлова... Вскоре же после войны я видел его в спектаклях этого театра и запомнил навсегда. Одна из моих первых театральных статей была посвящена ему. Поразили основательность, виртуозное движение роли, владение всем арсеналом сценической речи. Но, может быть, раньше всего и прочнее всего запомнилось его мужское, его человеческое начало. Он играл полковника-пограничника в современной советской добротной пьесе с хорошо раз-



Кирилл Лавров. 1945 год.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Недавно мне в руки, совершенно случайно — мир тесен! — попала фотография молоденького солдата, курсанта одесского авиационно-технического училища. Принесла мне ее ровесница солдата. Улыбка его неотразима — можно в Книгу рекордов Гиннеса помещать — рекорд обаяния! Я когда-то в подражание японцам в статье о Лаврове назвал ее «национальным достоянием России».

Так что же его отличает как артиста? Не будем морочить голову себе и другим перечислением профессиональной актерской атрибутики, технологией своего дела он владеет с образцово-товстоноговской выучкой. Отличает его то, что не подлежит пресловутому «перевоплощению» (ах, его нельзя узнать!). Отличает его то, что узнать всегда можно. У художников, живописцев есть понятие «грунта». Старые мастера, гиганты Возрождения уносили секреты его в могилу. Но от качества грунта зависит и долговечность полотна. Что-то похожее есть и у актеров. Некая первооснова личности, общая тональность. Ее-то и не придумаешь. Но она-то и решает. Тональность, манера. Их всегда узнаешь, не спутаешь. Более того, зритель восхищавшийся неузнаваемостью, на самом деле жаждет узнать.

Манера Лаврова не просто сдержанная, она благородна. Он излучает надежность, стабильность, уверенность, не «мускульную» мужественность. С ним как-то спокойно зрители. Он всегда заметен, но никогда не выпадает из ансамбля, не прерывает. Конечно, он из школы Товстоногова, но он и из наследственного «материала» отца, у которого на актера не учился, из породы матери, происшедшей из смоленского дворянства. (Лыкошны — дед, прадед, прапрадед владели имением Григорьевское, что в четырех верстах от Грибодовской Хмелиты и тридцати верстах от Вязьмы. А с Грибодовым прапрадед приятельствовал). Это я рассказываю не потому, что теперь модно, даже крикливо сверхмодно причислять себя к историческому сословию, а потому, что человеческая порода — это ведь тоже порода. Она может и вырождаться, но ее можно и культивировать.

На этой-то подоснове и вырастают образы. Бессмысленно перечислять роли Лаврова — были удачные, были и менее заметные. Я назову лишь те, что состоялись как открытия, с которыми уже не расстаешься в своем сознании, которые прояснили местоположение в иерархии сцены и жизни тот или иной тип.

Молчалин в знаменитом товстоноговском спектакле «Горе от ума». Зловеще умный (это при лавровском-то обаянии!). Расчетливый. Артист не «перспективу роли» выстраивал, но набрасывал перспективу новой российской номенклатуры, которая тогда, в начале прошлого века, готовилась отбросить патриархально устаревших Фамусовых. И эта модель социальных «замещений» действительна, кажется, на все времена.

Или вот Нил. Легендарные «Мещане», жившие на сцене БДТ более 20 лет. Ну Нил, хрестоматийный

Три судьбы Кирилла Лаврова

Человеку единого театрального пространства — 70 лет

школьный Нил, пролетарий, «буревестник» со своим: «Хозяин — тот, кто трудится!». А между тем долгое время как-то в голову ни театрам, ни зрителям не приходило — он же приемный сын страдающего отца, он, знаете ли, прямолинеен, без всяких там рефлексий, но почти было хамства. Он добрый мальчик, но, право же, не будущий «вождь», не «гений». Улыбка его неотразима, но сам-то он поверхностен.

А Городничий! Самый умный из всех виденных мной Городничих. Так что же он так опростоволосился? Объясняли по-разному — не так уж и умен. Лавровскому Городничему страх глаза застит. А у страха, как известно, глаза велики. Он превосходно рассчитал и разыграл околпачивание Хлестакова — либо-дорого было смотреть. Только изначальный-то импульс розыгрыша был его величеством Страх! Так задумал режиссер, так и сыграл страх Городничего артист.

Одним из опорных, если можно так назвать, образов нашего кинематографа о войне стал образ Синцова, героя «Живых и мертвых», снятых режиссером Столпером по роману К. Симонова. Война — работа. Безмерная усталость его героя и чувство долга, рождающее стойкость. «Героический», «героизм» — все это столь любимое и столь обесценившееся многотелным плакатно-лозунговым употреблением (и часто отнюдь не в бескорыстных целях) было не его, синцовское. Одним из первых артистов Лавров играл принципиально не официальное, играл то, что Толстой назвал «скрытой теплотой патриотизма», жившей в русском солдате. Скрытой, не трибунной!

Череда его образов-открытий вырисовывается заметно большей, нежели я предполагал, начиная эти заметки. Обо всем не напишешь. Но два я все-таки еще назову.

Иван Карамазов. Философ, а не расчетливый злодей, испытатель Бога, если можно так назвать кантилену неверия, которую дал Лавров в фильме «Братья Карамазовы». После смерти режиссера Пырьева он уже как режиссер и закончил фильм вместе с «Митей Карамазовым» — Михаилом Ульяновым.

Если вы не видите Бога, вы увидите Дьявола. Если вы не веруете в Добро, вы станете адептом Зла. Я видел многих актеров в этой роли, но, пожалуй, никто столь рационалистично и чувственно не разъяснил мне и человека, и идею Ивана.

И вовсе из другого ряда. Изящный, насмешливый, остроумный, владеющий «французским» разговорным диалогом Болиброк из фильма «Стахановцы», где в прелестном упругом диалоге с Аллой Демидовой он показал все разнообразие своего дарования. Но...

В 1986 году, в декабре, началась его вторая судьба.

Шел второй год исторического катаклизма, тогда, принявшего имя «Перестройки». Уже не только пронзительным специалистом-политологом, но и мало-мальски общественно мыслящим людям становилось очевидным, что если «Система» не найдет в себе внутренних сил для решительного изменения, то распад единого государства неминуем. И один из парадоксов театра. Слово бы почувствуя разделение, театр, его люди рвались к более тесному объединению. Потому что единое театральное пространство — не миф. Оно предопределено природой искусства, формирующего характеры, не имеющие аналогов ни в одной другой отрасли человеческой деятельности. Театральное братство — реальность. Оно простекает

из приязни людей сцены друг к другу, из их убежденности, что так, как они поймут друг друга (и даже — как не поймут!), так никто «со стороны» их не поймет, не объяснит!

Непрерывный обмен, постоянное общение — условие существования театра. Идеи, течения, направления, словно радиоволны, распространяются по театральному миру, не ведая границ. Мне кажется, еще десятилетие назад в предчувствии разделения, драматического «театрального разезда» уже проявлялась грядущая тоска по театральной интеграции, все более ощущаемая сегодня.

И когда в декабре 1986-го на съезде в Кремле был образован Союз театральных деятелей СССР и встал вопрос о его первом президенте, мнение было единым — Кирилл Лавров!

Проработав в этом Союзе и в наследовавшей ему Международной конфедерации театральных союзов почти десять лет, могу с уверенностью сказать: не знаю другого человека, который бы в нынешней политической суете, среди бесконечных депутатских «гостеваний» с неперенным «хлебосольем» и неплохими «сучоными», среди лавины заседаний разных «комитетов» и «подкомитетов» — этих инкубаторов нового чиновничества — так несуетно, так спокойно объединял бы людей своей профессией.

Многие годы, оставаясь ведущим актером своего родного БДТ, он буквально жил в поездке «Красная стрела», не на словах, а на деле руководя все союзным театральным объединением, а затем и конфедерацией. Для укрепления ее он не гнушался никакими возможностями, ездил и летал на различные правительственные и межправительственные мероприятия, входил в контакты с «новыми русскими» и «старыми русскими», хотя и сознавал, что кпд этих мероприятий может быть весьма малым, чтоб не сказать ничтожным. А вдруг! А на будущее!

В нем как в лидере есть две генеральные черты. Умение и терпение выслушивать и слышать других и непоколебимое знание, где проходит его нравственная граница. Мы живем в эпоху нравственной текучки, когда многие решили, что все дозволено и от робкого «может быть?» до наглого — «давай!» — дистанция сократилась до минимума, а во многих характерах, увы, исчезла совсем.

Я близко знаю его три десятилетия и много раз за это время убеждался, что незримую пограничную черту, охраняемую лишь человеческой совестью, он никогда не переступит. — А этого нельзя — это, уж извините, без меня! Это стыдно! Это, знаете ли, не наше! А порой он промолчит, но партнеры по делу поймут: не уступит.

Так он и живет. На два дома и, конечно же, вполне естественно, что когда ряд международных творческих организаций — журналистов, архитекторов, кинематографистов... а их чудом удалось сохранить — так силен был напор сторонников национальных творческих квартир — решил создать координационный комитет, чтобы совместно защищать и перед «верхами», и перед «низами» человеческую и профессиональную общность, то председателем его избрали, конечно, Лаврова. Потому что он человек созидательный. Но...

Пять лет назад началась его третья судьба. Умер Георгий Александрович Товстоногов, тридцать три года создававший один из лучших в мире театров, его учитель. Несколько раз в последние годы жизни Товстоногов говорил мне, что единственный человек, которого он хотел бы ви-

деть во главе театра, если с ним что случится, — Кирилл Лавров. Так что художественное руководство БДТ перешло к нему как бы и по завещанию. Но он никогда не согласился бы возглавить театр, если бы коллектив тайным голосованием не избрал его. (Недавно, после уставного пятилетнего срока он был единогласно переизбран).

Те, кто знает театр, не его только технологию, но и «физиологию», знают, что такое театр после смерти лидера. Театр ведь тоже модель государства. Трудно вообразить, с какими сложностями Лавров столкнулся.

Заменить Товстоногова нельзя. Но по поводу каждого приглашенного режиссера всегда найдутся в труппе люди сетующие: нет, не Товстоногов! (И между тем позволяющие себе такие нарушения дисциплины, которые при нем никогда бы не позволили).

Старики стареют. Что поделаешь. Как говорят французы, ничто так не старит, как годы. А кому-то из них кажется, что они все те же и если им не дают роли, то тут чьи-то козни...

Наблюдал подобное во многих театрах. Тут закон его внутренней жизни.

Сохранить уровень, по возможности надолго сохранить репертуар, не уронить репутацию у зрителей, формировать труппу, заполняя опустевшие клеточки, — вот его задача. Приглашать режиссеров, зная, что даже при хорошем реноме в мире театра, БДТ кто-то сможет и не подойти. И каждый раз при таком несомненном групповом надо будет выслушивать упреки. А тут еще искать спонсоров, сохраняя высокий класс всех производств, какими всегда славился БДТ... Думаю, что задачу свою он видит в том, чтобы создавать условия для мягкого, протяженного во времени перехода театра в его новую жизнь. Он знает, что сохранить товстоноговское наследие не значит все время клясться именем учителя. Тут иное — сохранение уровня Дела, устремленности театра к достижению художественных, а не каких-то побочных целей. Слава Богу, в театре еще много истинных «товстоноговцев», они его единомышленники. Вот и пришедший в театр Тимур Чехидзе, один из талантливейших современных режиссеров, сделался «товстоноговцем»...

Когда прихожу в знакомое здание на Фонтанке, чувство привычного, милого, родного дома не покидает меня. Посижу в одиночестве в кабинете того, чье имя носит театр, потом пойду по коридору дальше и открою маленькую дверь. На ней нет таблички «Художественный руководитель», потому что тот, кто за нею, мечтает передать лидерство новому, может быть, еще и неведомому художнику, режиссеру милостиво божьей.

А пока здесь люди, телефонные звонки, посетители, репродукторы, сообщающие, что там в святая святых — на сцене. И уже пришли звать на репетицию, на спектакль... Он плотно занят в текущем репертуаре. Это Кабот в «Любви под вязами», это Костылев в «На дне», это Президент в «Коварстве и любви», это Астров в «Дяде Ване»... А случается и так, что останется он ночевать в своей гримуборной, потому что рано надо быть в театре, потом в мэрии, потом... А ночью, может быть, грядет «Красная стрела», потому что завтра, в его театральный выходной, дела в Москве, в конфедерации, в комитете... Что ж, он человек единого театрального пространства, таким его и воспринимает театральный мир.

И дай Бог ему здоровья!